
dmicher
abathur kubrow
Статистическая погрешность
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

dmicher abathur kubrow

Статистическая погрешность

«Автор»
2026

kubrow d.

Статистическая погрешность / d. kubrow — «Автор», 2026

Научно-фантастическая история в новеллах.А вы боитесь, что однажды автоматические системы заменят вас? Как скоро это произойдёт? Или это уже произошло? Неужели человек более не властен над своей судьбой в мире рекомендаций, аналитических и маркетинговых метрик, поведенческих алгоритмов? Когда это случилось? Почему мы этого не заметили?Добро пожаловать в 2139 год, в московскую мегабашню 9 «Муравейник». Зарегистрируйтесь в единой системе целевой стабилизации, получите свой лик и погрузитесь в исследовательский нейрофильм о героях нескольких личных историй в мире, где тесно сосуществуют социализм, капитализм, анархия и технократия. Как они уживаются, а система не разваливается?«Статистическая погрешность» не даст ответ на вопрос «почему?» — ответ вам и так известен, пусть и кажется неполноценным или ложным. Может, мы просто смотрим не в ту сторону? Или к ответу надо просто подобрать правильный вопрос?Давайте попробуем.

© kubrow d., 2026
© Автор, 2026

Содержание

0. Ввод 5
1. Рамки доступа 8
2. Учебный план 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Статистическая погрешность

0. Ввод

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — вежливым, ничего не значащим тоном поприветствовал прокатчик нейрофильмов молодого человека, первым вошедшего в помещение в его смену.

Молодой человек с уставшим взглядом рассеянно кивнул и уставился в монитор с рекомендациями, висевший на стене. Визор продавца продолжал выводить информацию о посетителе на сетчатку.

Это был особый, но, увы, нередкий для района тип посетителей, с которыми ему как добропорядочному работнику салона следовало быть чуть более чутким и тактичным, чем с остальными. В народе таких называли «выгоральцы». Прокатчик внимательно изучал передаваемую надмозгом информацию, ведь от его правильных действий сегодня зависела жизнь не только Виктора Сергеевича, но и, возможно, нескольких улиц: уставший молодой посетитель в серой одежде старшего мастера был настройщиком сетевого оборудования целого квартала. Прошло более минуты, но прокатчик терпеливо ждал, сделав выводы из предоставленной ему информации.

Посетитель бесцельно листал список рекомендаций, ни на чём не останавливаясь. Это значило, что человек просто хочет немного освоиться в обстановке, прежде чем начать говорить. Пролистав до низа списка, Виктор Сергеевич мельком осмотрелся в небольшой комнатке, выделенной под приёмную проката. В ней с трудом могли бы разместиться ещё трое-четверо, да этого и не нужно было: как правило, сюда приходили люди, получившие точные рекомендации надмозга и знающие, что именно они хотят почувствовать. Поэтому они быстро подходили к одному из двух терминалов, нажимали на тотчас же появлявшуюся кнопку с подтверждением выбора и проходили в нейротеатр по длинному, едва освещённому коридору в свои номера. Стены приёмной были выкрашены в тёмный серо-синий цвет, за небольшой стойкой сидел на подвижном стуле единственный работник нейротеатра и терпеливо ожидал, когда молодой человек выберет фильм.

— Вы знаете, Николай Олегович, — Виктор Сергеевич быстро считал имя прокатчика во всплывшей подсказке визора, — мне придётся прибегнуть к вашей помощи.

Посетитель испытывал стыд за своё настроение и поведение, но понимал, что ему не обойтись без консультации.

— Конечно, Виктор Сергеевич, — с готовностью ответил прокатчик. — Помощь с выбором — одна из моих прямых обязанностей. Сегодня СЦС, кажется, занята государственными расчётами и качество рекомендаций может быть снижено.

И посетитель, и прокатчик — оба знали, что это враньё. Система целевой стабилизации в этот день находилась в недогруженном режиме: часть внешних коммуникаций на несколько дней была выведена на запланированный ремонт, и Башня не могла работать на внешнего заказчика. Поэтому надмозг особое внимание должен был уделить как раз внутренним потребностям жителей: обновлению и улучшению рекомендаций, анализу внутренних потребностей жителей. Но, к удивлению посетителя, этот ответ прокатчика его полностью устроил: от бесхитростной лжи веяло нежной родительской заботой, ощущением безопасности.

Прокатчик подошёл к посетителю:

— Есть ли у вас какие-то конкретные пожелания? Что-нибудь из уже увиденного или что-то новое?

— Видите ли, я совершенно не понимаю, что бы хотел посмотреть. Обычно это достаточно просто, но сегодня настроение особо тоскливое, что ли…

— Понимаю, — спокойно ответил Николай Олегович.

Прокатчик вряд ли был старше собеседника, но казался в этот момент защитником хрупкого мира своего товарища по уровню в Башне. По сути, так оно и было: он уже точно знал, что порекомендует тот странный нейрофильм под названием «Статистическая погрешность», после которого многие его клиенты уходили злыми или растерянными и более никогда не возвращались в прокат. Он знал, что за такую рекомендацию, скорее всего, получит с десяток токенов Башни. Почему — он особо не задумывался. «Так надо» — этот ответ его вполне устраивал.

Через десять минут Виктор Сергеевич, снявший неудобную рабочую форму, запачканную мелкой минеральной пылью, которая, несмотря на усилия роботов-уборщиков, ежедневно скапливается в инженерных коммуникациях, расположился в кресле подключения и без каких-либо мыслей наблюдал за тем, как оптический информационный куб долгосрочного хранилища, сияя всеми оттенками радуги, медленно погружался в считывающее устройство. Его внимание привлекла странная метка на боковой панели — небрежно написанное чёрным перманентным маркером слово. Он смотрел на него так, будто это слово имело какое-то сакральное значение. Надпись состояла всего из пяти букв — «зачем», без знака вопроса, без точки. Она была кривая и косая, будто её автор торопился или делал её в очень неудобной позе. «Вандализм, да и только… Почему её не стёрли?» — подумал Виктор перед тем, как сработал нейроинтерфейс.

«Внимание! — гласила надпись на загрузочном экране. — Перед просмотром ознакомьтесь с техническими данными нейрофильма».

— Вам удобно, Виктор Сергеевич? — Вопрос Николая Олеговича прозвучал прямо в голове.

— Да, Николай Олегович, спасибо, — ответил мысленно зритель.

— Здесь я вас оставляю. Приятного вам просмотра. Буду следить за вашими показателями из приёмной. Если что-то вас забеспокоит, вы знаете, как меня позвать.

— Да, благодарю, — откликнулся молодой человек, глядя на следующий кадр, который ему показался совершенно неожиданным.

СЛУЖЕБНАЯ АННОТАЦИЯ

Тип: Нейрофильм НФ-3а, ГОСТ Р 83972-2123

Жанр: Исследование

Название: Статистическая погрешность

Класс: Диагностический, аналитический

Область применения: Совершенствование методов и алгоритмов когнитивных функций

Автор: Министерство информационных технологий Российской Федерации, Единая система целевой стабилизации мегабашен, строение № 9 (ЕСЦС МБ-9), город Москва, 2139 год

Статус: Разрешён к публичному показу. Строго по рекомендации

НАЗНАЧЕНИЕ

Детектирование и фиксация малозначительных, но устойчивых когнитивно-социальных расхождений субъектов трудовых отношений ЕСЦС МБ-9. Мониторинг и анализ зафиксированных расхождений с целью управления редкими рисками и возможностями, влияющими на долгосрочную устойчивость социального фонда и материальной базы МБ-9.

ПРИМЕНЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Нейрофильм:

- не содержит инструкций и рекомендаций к применению;

- не формирует целеполагание и реакцию;

- не направлен на изменение убеждений и мировоззрения;
- не корректирует социальное поведение.
Нейрофильм инициирует и фиксирует…

Дальше Виктор Сергеевич не успел прочесть: кадр погас, и загрузилась первая сцена.

1. Рамки доступа

Объект исследования: аномалия поведения в рамках допустимого риска преступности; непредсказанное повышение управляемости

Данные о личности:

- Лик ID: 3d232364-acba-475e-ba9f-721eaf7f6ad9, активен

- Ф. И. О.: Рафик ибн Самир аль-Кадири

- Альтернативные имена: Раф (самоназвание)

- Ключевые роли: допустимый криминальный элемент, контролируемая контрабанда рискосодержащих объектов, семьянин, друг

- Доступ: 1. КЖВ — под контролем. 2. КНВ — под контролем. 3. КЭВВО — под контролем. 4. АКСЦС — запрещён

- Управляемость: на момент наблюдения 87,54 %, к моменту анализа — 94,39 %

- Доверие: на момент наблюдения 318 токенов, к моменту анализа — 367 токенов

— Эй, Раф! — крикнула Айя мужчине без особых признаков, поправлявшему узел галстука на белой сорочке, которую уже успел запачкать, прикоснувшись к чему-то прямо на выходе в общую сетчатую галерею, наполненную людьми, запахом гари и вечной пригородной пылью. — Удачи! Береги себя. Сдохнешь — домой можешь не приходить.

Рафик обернулся к своей супруге, нежно поцеловал в губы и нырнул в поток людей, спешивших к ближайшему скоростному лифту. Через две минуты его внесло этим потоком в местами поржавевший пенал, скрежет металла и тряска увлекли его наверх к подножью Башни. Путь был недолгим: Раф только успел досмотреть на экране лифта афишу выступления очередной звезды местного пошива по прозвищу Макс. Сегодня должна была пройти премьера её будущего хита, если верить рекламе. Только Раф успел разозлиться от мысли, что очередная картонная певичка возрастом вчерашней школьницы, о которой более ничего толком неизвестно, учит людей жить, как кабина скоростного лифта открылась, и мужчину вытолкнуло в очередь на вход в мегастроение.

Тридцатидвухлетний Раф был одет так, как одеваются пригорожане для собеседования в Башне, на которое они идут в надежде теперь уж точно получить стабильную работу и вырваться из круга вечной борьбы за выживание. Тем более что формально именно за этим Раф и направлялся. Перепрошитый личный компьютер (люди обычно называли это устройство ёмким словом «лик») какого-то пьянчуги из трущоб жал и натирал запястье, а ещё страшно глючил, постоянно перезагружался и вёл себя не лучшим образом. Рафа это не беспокоило — этот личный компьютер нужен был ему ещё около пятнадцати минут, и было бы даже хорошо, если бы он сломался прямо на контрольно-пропускном пункте: необходимость замены его стала бы дополнительной причиной зайти сегодня в Башню.

«А что? Было бы крутое совпадение, если этот модуль автокоррекции фонограммы я везу именно на концерт этой певички», — подумал Раф, представляя, как эта очередная и, конечно же, бездарная, по его мнению, девочка поёт, не попадая в ноты и забывая слова, а на заднем плане звучит удивительно приятный её голос, исправленный и улучшенный, а «говножоры с верхних этажей» выражают от этого вранья столь же ложный восторг. Он не настолько презирал башенных жителей, как это представлял своему окружению, но от собственных мыслей расплылся в ехидной улыбке, которая слетела с его уст, как только заскрипели, открываясь, двери лифта.

Он отстоял недлинную очередь к одному из десятков окошек контрольно-пропускного пункта и предъявил лик для проверки. Обычно это ему не стоило ни одной нервной клетки,

но сегодня какая-то неуловимая тревога смущала его. Он временно предпочёл отмахнуться от неё, закинув в дальний уголок разума: «Потом обдумаю, на КПП надо быть естественным».

— Исаак Юдович Кириллов? — спросил с сомнением голос из окошка.

— А? Да, — слегка нервно ответил Раф, используя часть своей тревоги для того, чтобы имитировать растерянность более правдоподобно. — Это я. А что?

— Подойдите к биосканеру, — попросил голос через несколько секунд, — и прочтите то, что увидите на экране.

Новоявленный Исаак повиновался.

— «Читая это и проходя контроль, я соглашаюсь с правилами нахождения на территории мегабашни № 9 „Муравейник“…» — он стал зачитывать заученный уже наизусть текст, намеренно делая запинки в случайных местах. В какой-то момент тревога внезапно вышла из-под контроля и его лик завибрировал с рекомендацией остановиться и подышать, посмотреть на небо, подумать о приятном.

— Вы волнуетесь? — послышалось из окошка.

— Д-да, — выдавил Исаак. — Собеседование.

— А-а… — с пониманием и неким даже оживлением отреагировал голос. — Выдохните и прочтите последние две строки ещё раз, пожалуйста.

Сердце Рафа колотилось, а пот со лба пришлось вытереть платочком, когда он наконец попал в приёмный холл шестнадцатых врат Башни. Он заставил себя сесть на скамью, чтобы успокоить нервы. В холле ещё не было огромной толпы, которая обычно наполняла его чуть позже, когда ночная смена нижнего уровня заканчивалась и начиналась пересменка.

Рафик приобрёл за рубли калач с питкормом и газировку. Он редко перекусывал в холле, торопясь, как правило, быстрее закончить рисковое дело, но сейчас, несмотря на то что следовало двигаться по графику, он намеренно задержался обдумать собственное беспокойство. Обычно чувства не подводили его: непонятная тревога означала, что он что-то заметил, но пока не успел осознать. Он сел за свободный стол у ларька, где приобрёл еду, и стал размышлять.

— Айзек, милочек, не подскажешь, как пройти к экспрессам? — мягко, но крепко державшая за руку девочку-подростка, обратилась к Рафику какая-то престарелая дама.

Едва заметный свет возле её правого глаза и отблеск на роговице сообщили контрабандисту, что старушка воспользовалась визором своего лика для обращения к нему по имени. Значит, надмозг пока не обратил внимания на его поведение и стандартные протоколы приняли его ложную личность. Раф подсказал старушке путь и помог подключить лик к навигационной системе, чтобы ей не пришлось дальше плутать по Башне.

— Спасибо вам, мил человек, — добродушно попрощалась старушка и потянула свою внучку в нужном направлении. — Вот увидишь, Марьям, это будет настоящее представление. Я прямо чувствую: эта Макс… в ней есть что-то такое… живое.

Времени было мало, Рафик прикрыл глаза и погрузился в воспоминания: «Очередь. Люди обычные, пара фриков, два или три робота-доставщика, никто за мной не следил. Камеры над работающими входами двигались как положено, остальные выглядели неактивными. Вроде не то. Голос в окошке. Без странностей, явно человеческий, можно было даже пошутить — он реагировал. Тоже не то. К тому же начал нервничать раньше. Процедура. Стандартная, камера на месте, свет обычный. Нет… что-то я упускаю. Какую-то нестыковку или совпадение?»

Контрабандист взглянул на ближайшую камеру наблюдения — её объектив был направлен ровно на него. Он невольно отвернулся, словно поймал случайный зрительный контакт, и посмотрел на три другие камеры, которые могли наблюдать за ним. Те блуждали по залу, не обращая на Исаака Юдовича внимания. Он вновь перевёл взгляд на ближайшую камеру и увидел, что та уже повернулась немного в другую сторону. «Показалось, — констатировал он. — Или нет?»

Рафик прислушался к своим ощущениям и обнаружил, что тревога начала отступать. «Вот она, зацепка, — решил он и сконцентрировал теперь всё своё внимание на воспоминаниях о системе видеонаблюдения. — Так, перед лифтом внизу. Камеры нет, но есть две турели с глазами. Я был один. То, что обе следили за мной, — норма, хотя и неприятно. Дальше в лифте наблюдение статическое, из панели — там непонятно. Следит всегда. Опять очередь. Тревогу почувствовал тут. Что же смутило? Вертушки… — Он представил, как стоял полчаса назад в очереди и болтал с каким-то техником о его обучении в колледже на втором уровне. — Камеры-вертушки вели себя вроде нормально. А что насчёт отключённых?» — Рафик мысленно пробежался по каждой из них, чтобы вспомнить, не поворачивалась ли какая со временем. Нет, не поворачивалась. Раф расстроился, но методично продолжал искать связь между работой камер и подступившей в очереди тревогой.

«Да ладно!» — восхитился Рафик своей ещё не сформулированной догадкой. Его мозг уже сформировал образ ответа в виде пространственных линий — взглядов камер, направленных пусть разрозненно и неочевидно, но вдоль всей очереди, которую он отстоял. Контрабандист резко прервал свои размышления и превращение образа в словоформу. Он был уверен: надмозг умеет читать мысли, превращённые во внутренний голос, если захочет. «А вот фиг тебе!» — Раф грязно выругался про себя и, решительно встав из-за стола, взглянул на ближайшую камеру, которая теперь прятала свой взор от него.

Он пошёл к выходу из холла. Надо было торопиться, если хотел успеть не только пройти собеседование, но и передать контрабанду заказчику.

На платформе вертикальных экспрессов — скоростных магнитных лифтов между уровнями Башни — Рафик поднимался уже в толпе. Лестницу к верхним капсулам ремонтировали, и в некоторых местах толпа уплотнялась настолько, что, казалось, можно было поднять ноги и толпа бы просто вынесла тебя в нужном направлении. Раф представил, как все разом поднимают ноги и валятся вниз с криками и плачем. «Наверное, именно поэтому никто так и не делает: боится, что так внезапно сделают все сразу», — размышлял он.

Составы на платформе отходили и приходили ежесекундно. Электромагнитная сила утаскивала их наверх, в один канал с десятком веток, упаковывая в одну магистраль, а на место поднявшегося по магистрали рекуперации возвращался другой.

В капсуле на двоих соседом Рафа оказался сильно побитый мужчина средних лет. Синяки и ссадины на его тучном теле были свежие, и самое неприятное в их заживлении лишь только ожидало его. Его дорогой киберпротез левой кисти, кажется, был сломан в нескольких местах.

— Эка угораздило вас, молодой человек, изувечиться, — прокомментировал Рафик увиденное. — Неужто в Башне может быть так опасно? Наверное, вы из внешнего контура.

Мужчина с утомлённым видом и пренебрежением во взгляде, выдававшим в нём сноба с третьего, корпоративного уровня, посмотрел на него и промолчал. Рафик решил, что было бы грехом упустить случай и не втюхать «этому петуху» что-нибудь запрещённое — рубли лишними-то не бывают никогда.

— А Йозеф знает, как вас утешить, — продолжил Раф, представляясь очередным подставным именем. Он снял шляпу и закрыл ей объектив видимой камеры, что было абсолютно бесполезно в целях безопасности сделки: в капсуле всегда работала дополнительная скрытая камера в небольшом зеркале, — но для конспирации и отыгрыша мелкого контрабандиста запрещённых веществ такая намеренная оплошность была уместна. Раф достал из кармана флягу и открыл тайник в ней. Из него вывалился, раскручиваясь, рулон с несколькими пакетиками. — Что предпочитаете? Обезболивающий «стрип» или, быть может, будоражащий «картон»?

— Ничего, — хмуро ответил побитый. — Не употребляю.

— Я тоже! Я тоже, — воодушевлённо залепетал Раф, явно давая понять, насколько сильно он не верит в ответ собеседника. — Тогда рекомендую сразу что-нибудь остренькое

и чуть более запрещённое. Как насчёт «отрыва»? Отлично пойдёт на концерте этой певички. Как бишь её там? Сакс?

— Макс, — рефлекторно поправил мужчина, помимо его воли вовлекаемый болтливым попутчиком в разговор.

— Да-да! Принять за полчаса, и концерт превратится в настоящий непредсказуемый кошмар: ужас, смешанный с весельем. Что она там поёт? Роц-к? Отлично: все демоны мира слетятся к вам в голову и будут совокупляться с овцами и розовыми пони, блевать радугами и танцевать джигу.

Попутчик невольно улыбнулся, но жгучая боль моментально смела улыбку с его лица.

— Нет, Йозеф так это не оставит. Вам однозначно надо приобрести ещё и «стрип». А то того и глядишь подохнете от болевого шока прямо тут, а Йозеф будет виноват. — Он ещё раз глянул на одежду и кибернетическую руку человека, ехавшего с ним, прикидывая, за сколько загнать тому порошок. — Всего десятка за полноценный концерт и полдозы на утренний опохмел.

— А не до хрена ли за полторы порции? — словно бы без возмущения поинтересовался попутчик.

— А-а-а, — радостно и ехидно откликнулся Рафик, — так, значит, вы эксперт, а не салага какой-нибудь. Йозеф так и знал! Так уж и быть. Продам как постоянному клиенту. Понимаете? От сердца отрываю. Семь тысяч пятьсот рублей. И «картон» в подарок. Только, чур, не смешивать!

Конечно же, эта разбавленная смесь всякой дури не стоила и половины той цены, которую Раф запросил. Он её пронёс в Башню только для того, чтобы в случае поимки никто не заинтересовался модулем с искусственным интеллектом в его чемодане, а повязали бы только за порошки. Но концентрация там была настолько мизерная, что не представляла серьёзной угрозы ни потребителю в плане передоза, ни носителю в плане закона. Обвинить же Йозефа в подлоге тоже было бы сложно: смесь действительно давала по мозгам и какой-никакой кайф можно было словить, пусть и полноценного прихода точно не стоило ожидать. На улицах такие смеси называли почтишками. Полиция обычно даже не интересовалась ими, если только не ловили крупную партию. Поэтому почтишками шмалялись и промышляли подростки из молодёжных банд, их же впаривали вот таким «белым воротничкам в поисках приключений».

— Ладно, давай сюда. Лик хоть есть? — буркнул мужчина.

— Обижаете! Какой лик?! Откуда у меня лик-то? Так, временный пропуск, — отозвался Раф, доставая из кармана терминал оплаты. — Зато вот с этим всё как положено. Йозеф Кац предоставляет вам консультационные услуги психологического характера за пару минут перемещения между уровнями. Всё анонимно для вас — медицинская тайна. Оплата по прайсу. Чек придёт от Него. — Рафик показал наверх, как делали необразованные идиоты, считавшие Единую систему целевой стабилизации мегабашен чуть ли не божественным существом.

Попутчик состроил недовольную гримасу, за что сразу же поплатился новой волной боли. Он закатал рукав и прислонил запястье сломанного протеза со встроенным ликом к терминалу. Терминал быстро замигал, запищал и подтвердил транзакцию.

— Доброго пути, — пожелал Рафик, сходя на своей станции второго уровня, оставляя покупателя в капсуле одного двигаться к себе на третий уровень, в хоромы капиталистического рая.

Раф был рад избавиться от лишнего товара. При нём теперь осталась лишь малая доза, разрешённая для личного применения. А транзакция в семь с половиной тысяч рублей была для него и прикрытием, и приятным бонусом сегодняшней вылазки. Целые две недели семья сможет теперь нормально существовать, а не выживать; не исключено, даже пару сотен удастся отложить на чёрный день.

«Товарищ! Будь мотивирован!» — приветствовал Рафика плакат в первом же зале Контура жизнеобеспечения и воспроизводства после очередного турникета службы контроля периметра. «Буду, КЖВ, буду! Прямо сейчас начинаю», — уверенно пообещал Рафик, кивнув красному полотнищу с жёлтыми буквами.

Очередное собеседование по приёму на работу Рафик благополучно для себя завалил. Оно прошло быстро и неинтересно — как всегда. «СЦС отправит вам уведомление о приёме в течение дня», — формально ответила девушка-рекрутёр, прекрасно зная, что в случае успеха сообщение бы уже пришло. Рафика это определённо устраивало, он этого и добивался: быстро освободиться и дальше без ограничений бродить в печали по Башне, пока допуск ещё сохранялся.

Ощущение слежки к нему вернулось не сразу. Два успеха подряд его сильно воодушевили. Всё складывалось очень хорошо: ни одной проваленной проверки, ни одной лишней импровизации — всё шло строго по плану, и даже, более того, лучше ожидаемого. Надо было выгулять время, которое он оставлял для себя на экстренные случаи, прежде чем идти к получателю. Поэтому он бродил по площади Справедливости, разглядывая мыслителей прошлого: Аристотеля, Гегеля, Ленина и многих других.

— Так, дети! Построились! — молоденькая учительница остановила отряд в красных галстуках недалеко от лавки, где Раф созерцал бытие и спокойствие социалистической стабильности. — Сегодня мы отправляемся на культурное мероприятие в Контуре экономической вариативности и внешнего обмена, на нижние этажи уровня. В театр «Роза» — там мы с вами уже были. Кто напомнит правила поведения в контуре? Да, Ольга.

— В КЭВВО установлен капиталистический порядок жизнедеятельности, при котором ценность труда определяется рыночными отношениями, а не целесообразностью и пользой для общества. Согласно политэкономической теории, это приводит к резкому разделению общества по достатку, чем порождается преступность одних и надменность других. На нижних этажах проживают бедные слои населения, поэтому отряд должен держаться вместе, в случае опасности сохранять спокойствие… — девочка очень старалась и давала если не заученную наизусть формулировку, то нечто такое, во что честно верила.

Рафик со временем отвлёкся от потока бессмысленной словесной мишуры. Он любил сюда ходить: здесь всегда было спокойно, чисто, красиво, ухоженно, от этого места веяло надёжностью, защищённостью, фундаментальностью. Внутренности Башни, особенно на нижних уровнях, были огромными, а внешние стены, как правило, скрывались за потолочными перекрытиями, имитирующими атмосферу, и стенами многоэтажных строений. Можно было воображать, что находишься в какой-то далёкой стране, где процветает справедливость и покой, если, конечно, не знать, на каком объёме костей, пота и крови этот покой стоит и сколько людей за стенами ради этой справедливости влачит существование за гранью нищеты.

— Умница, Ольга. Забыла сказать, что ни при каких обстоятельствах нельзя терять своих товарищей из виду. Как всегда, отлично. Кто расскажет, на какой концерт мы сегодня идём и какая его художественная ценность? — спросила учительница, но, увидев, что один мальчик поднял руку, обратилась к нему: — Да, Игорь. У тебя есть вопрос?

— Товарищ Леви, можно ли попросить вас простить Сашку за его выходку? Он очень хотел пойти на концерт… — Слова мальчика поддержал одобрительный гул голосов.

Учительница подождала, пока отряд замолчит.

— Во-первых, Игорь, не Сашку, а пионера Александра Головина. Во-вторых, нет. Это будет уроком не только для него, но и для вас. Намеренные действия, направленные не на созидание, а на разрушение, будь они выражены делом или словом, не могут поощряться. Всегда вы можете высказать личное мнение, чтобы обогатить общее, но затем, когда ваше мнение стало достоянием общества, когда оно было учтено и отклонено, надлежит следовать за

коллективом. В противном случае вы будете изолированы от него. Это произошло сейчас с пионером Головиным. Вопросы?

Вопросов не последовало. Учительница повторила своё задание отряду, и ответ заинтересовал Рафика. Он даже открыл едва работающий лик Исаака, чтобы узнать, что же такое будет в концерте Макс, что даже детей со второго уровня ведут на него для культурного обогащения. «Ну… можно и сходить. Я, кажется, заслужил сегодня немного развлечься: всего шестнадцать рублей могу себе позволить, — убедил себя Рафик и купил билет в дальний угол зала. — К тому же близко от места встречи с покупателем. Сегодня, кажется, всё даже слишком хорошо складывается. Удача не может быть бесконечной: лишь бы не сорвалось в самый ответственный момент…»

Он встал, сверился со временем, подозрительно осмотрелся вокруг, затем влился в поток трудящегося пролетариата и функциональных управленцев, следовавших к вертикальным экспрессам.

* * *

— Что?! Заплатить ещё и тебе?! — Стервозного вида девушка-менеджер вскочила со стула, оперев руки на стол, демонстрируя идеально подогнанный по фигуре розовый костюм из топа, жакета и обтягивающей юбки.

Этот приём был хорошо известен Рафику. Девушка была сексуально привлекательной и пользовалась своим преимуществом уже скорее по привычке, чем осознанно. Поток воздуха от резкого движения менеджера принёс букет ароматов с доминированием клубники и сирени. Достаточно пошлая смесь, но вполне приятная. Девушка почти визжала в напускной, весьма натуральной ярости:

— Так дела не делаются! Оговорённая сумма уже переведена решале! Никаких дополнительных плат! Парни, за дверь его нахер.

Два охранника, стоявшие поодаль, без угрозы, но с твёрдой уверенностью приблизились к мужчине. Один бугай отобрал портфель, который Раф приобрёл днём ранее на рынке в пригороде. Второй схватил контрабандиста за шкирку и поволок к выходу. Портфель щёлкнул в руках охранника, и содержимое вывалилось на пол. А содержимое — всего один пластиковый ключ от ячейки в камере хранения. Удар пластика о бетонный пол привлёк внимание девушки. Один короткий взгляд — и она осознала свой прокол. Уже более спокойно села на стул, кивнув своему боевому усилению в знак отмены.

— Я не настолько глуп, чтобы таскать товар с собой, пока не получу гарантию оплаты, Мадлен, — произнёс Раф, оправляя свой костюм.

— Я вижу, — сказала она. — Твоему решале скажу, что с ним не буду больше работать именно из-за тебя.

Это было враньё от обиды: Раф прекрасно знал, что никто не откажется работать с мистером Ди из-за таких мелочей, потому что тот чуть ли не единственный на уровне, кто принимает экстренные заказы. Припрёт нужда — выйдут на мистера Ди.

— Где и сколько? — спросила девушка.

— Во-от, — победно протянул Раф. — Это уже другой разговор.

— Где и сколько?! — раздражённее повторила она вопрос. — В конечном счёте я могу обойтись и без модуля. Но если сегодня у меня на концерте из-за тебя будут проблемы, то завтра я выставлю тебя и решалу твоего на весь уровень как причину, по которой многие уважаемые люди потеряли деньги.

А вот это уже была серьёзная угроза, и напускной гонор сдуло теперь уже с немного заигравшегося курьера.

— Ближайшая вертикальная станция, камера хранения Б6. Номер ячейки только…

— Поняла! — перебила его девушка, стукнув ладонью по столу. — Сколько?

— Столько же. Делаю скидку…

— Да заткнись ты. — Она махнула рукой. — Терминал или лик?

Исаак Юдович достал из кармана терминал, ввёл данные для оплаты и протянул вышибале. Охранник отнёс терминал даме, и она провела оплату. Контрабандисту вернули терминал и портфель без ключа.

— Ячейка 129-А. Пароль QWERTY123.

— Ну ты и кретин, — пробормотала в сердцах девушка, выходя из комнаты с ключом.

Курьер остался наедине с громилами, пока представительница заказчика забирала заказ. Спустя какое-то время его грубо вытолкали на улицу, где он тут же затерялся в толпе. Раф бродил по району, пока не убедился, что слежки за ним со стороны заказчика не было. Примерно через ещё полчаса терминал в третий раз за сутки оповестил контрабандиста о приходе на счёт значительной суммы — теперь уже от решалы. «Подумать только! За одну ходку полсотни штук! Да ещё и токенов сверху этого в придачу!» — он не мог поверить своему счастью. И от этого почти сразу вернулся страх, глубинный, неосознанный, животный. Такое везение никак не сходилось с его представлением о возможном стечении обстоятельств. От внезапного озарения он остановился на пешеходном переходе, и его несколько раз ощутимо толкнули, обрушив в уши несколько привычных ему ругательств.

Он посмотрел в липовый лик, который сегодня служил ему пропуском в Башню: устаревший физически и морально, сломанный ровно настолько, насколько это нужно, но не более того. На экране высвечивалось напоминание о купленном им билете на концерт певицы Макс, который должен был начаться уже меньше чем через час, и о том, что до места проведения осталось пройти всего несколько метров. Он поднял взгляд на огромную, сияющую миллиардами диодных пикселей вывеску театра, гласящую: «Бунт и взрыв. Макс Вольт! Новая большая программа».

«Бежать! — скомандовал себе Рафик, в очередной раз за день не позволив себе довести мысль до словоформы. — Бежать! Быстро!»

Он сорвался со всех ног прочь от театра, расталкивая прохожих. «Бе-жать! — стучало у него в висках. — Сроч-но!»

Он понял! Он всё понял! До глубины души, до самого последнего нерва. И пока не поздно, пока не случилось непоправимого — «Убраться! Вон отсюда!»

Через пять минут, не помня себя, он уже оплачивал билет вниз в терминале вертикального экспресса. Срочный билет, по цене вдвое дороже, чем позволил бы себе в любой иной ситуации. В каждой камере, каждом взгляде полицейских ботов на улице ему мерещился посыл, направленный в его сторону: «Да, чувак, тебе пора. Сейчас — сам, иначе потом помогут».

На экране терминала СЦС, управляющего вертикальными экспрессами, появился вопрос: «Вы точно хотите спуститься в холл транзитной зоны, ведущий на выход из Башни?»

«Да ухожу я, ухожу, — с оправданием и мольбой в голосе бормотал Рафик. Его палец нервно и часто тыкал в сенсорный экран, плохо попадая по кнопкам. — Правда… не надо, пожалуйста».

Когда он сел в капсулу экспресса, следовавшего прямиком к выходу из Башни, его лик завибрировал, Раф дёрнулся и рефлекторно разблокировал экран. «Кажется, вы забыли посетить концерт, на который купили билет. Хотите продать билет и вернуть половину уплаченной стоимости, чтобы концерт мог посетить кто-то ещё?»

«Ещё и издевается…» — подумал Рафик, но в страхе перед собственными мыслями сразу же извинился перед надмозгом.

Он отменил билет. Ему было плевать на те восемь рублей, что вернутся на испорченный лик, который Раф намерен был выбросить сразу, как покинет Башню, — в тот же миг Исаак Кириллов, рождённый с утра, должен был исчезнуть. Пусть лучше он, вымышленный хрен, чем

Рафик. Лишь бы вырваться… лишь бы успеть. Всё естество Рафика сжалось, когда экспресс отцепился от станции и ухнул в темноту рекуперативной шахты.

Как это всегда бывает в экстренной ситуации, экспресс двигался слишком медленно. Всё это время Рафик старался не думать о смерти, но мысли сами собой шли в голову, сердце сотрясало грудь и виски. Хорошо, что с ним в капсуле ехал какой-то человек — его присутствие заставляло контрабандиста держать себя в руках.

— Вы побледнели, — низким баритоном констатировал попутчик. — Вам нехорошо?

— Да… высоты боюсь. Ничего, не в первый раз. Спасибо, — отрывисто ответил Раф, и на том разговор был окончен.

Двери капсулы открылись, Раф тут же слился с толпой убывающих из Башни. «Быстрее, бежать. Нет! Медленно, спокойно, но не задерживаясь. Он знает, Он чувствует… Он… отпускает?» По всему телу Рафа пробежали волны мурашек, он едва не замер как вкопанный посреди выпускного холла шестнадцатого выхода Башни. «Счастливого пути!» — гласила неоновая вывеска над проходами в открытый мир вне Башни. И Раф с ужасающей ясностью понял: эта вывеска висела здесь лет десять, но сейчас она предназначалась именно ему. Он отпустил его, точнее, Он дал ему уйти.

Рафик посмотрел на ближайшую камеру, та смущённо отвернулась от него. Контрабандист хмуро улыбнулся и опустил голову.

— Ухожу, ухожу, — пробормотал он и направился к выходу, не создавая более суеты вокруг себя, явно причинявшей дискомфорт окружающим его людям. «У людей тоже есть срочные дела и переживания, — решил он. — Не надо им мешать».

* * *

— Выключи, пожалуйста, — попросил Рафик.

— Нет! — воскликнула с возмущением супруга. — Я очень ждала этот концерт! Это же Макс! Она такая крутая! Не хочешь смотреть — иди в свою комнату, я принесу тебе поесть туда. Хорошо?

Раф кивнул и ушёл. Айя была права: его рабочие переживания не касаются семьи. Пусть живут без его проблем — у них своих достаточно. Он лежал на кровати, не сняв ботинок, уткнув взгляд в потолок: «Но почему Он отпустил меня? Неужели Ему это надо было?.. А может, не почему, а… как бы это сказать… Чёрт! Да пошло оно всё! Отпустил — значит, надо было. Или мерещится мне это всё, и не было ничего такого…»

Он полежал ещё немного на кровати, а потом успокоился. Он встал и пошёл на кухню. Достал из холодильника холодное пиво, купленное сегодня в честь удачного завершения дела, с вкусным пшиком открыл его для себя и для любимой.

Он сел рядом с ней смотреть тот концерт, от которого сбежал несколько часов назад. Дзынькнули бутылки, и жена, располагаясь удобнее, закинула ноги ему на колени.

«Да, — решил уверенно Рафик. — Пошло оно! Отпустил сегодня, надмозг проклятый, не убил, не искалечил, не засадил за решётку. И на том спасибо. Выжил и бабла добыл. Это ли не счастье?»

В телевизоре на сцену вышла певица, но Рафику было совершенно всё равно, что за бунт она там планировала. Он был дома, и рядом с ним была его любимая Айя, и лишь какой-то странный червь сомнения не давал ему в полной мере согласиться с этой мыслью: «Всё-таки почему…»

2. Учебный план

Объект исследования: аномалия непредсказанного проявления тревоги в отношении потомства, повлёкшей локальную дестабилизацию численности социально значимых ресурсов

Данные о личности:

- Лик ID: 7a038f57-fdb7-4373-b516-98dfe4e59e22, на момент наблюдения активен, к моменту анализа — неактивен

- Ф. И. О.: Елена Марковна Леви

- Альтернативные имена: Лена (самоназвание)

- Ключевые роли: на момент наблюдения — учитель, воспитатель, носитель нормативной рациональности, воодушевление окружения через уникальный набор коммуникаций; к моменту анализа — отсутствуют

- Доступ: на момент наблюдения — 1. КЖВ — полный; 2. КНВ — полный; 3. КЭВВО — ограниченный; 4. АКСЦС — под контролем; к моменту анализа — запрещён

- Управляемость: на момент наблюдения 97,84 %, к моменту анализа 0,00 %

- Доверие: на момент наблюдения 58 372 токена, к моменту анализа 0 токенов

Елена Марковна опиралась на парапет запруды, посреди которой серебрился брызгами, блестящими в вечерней подсветке, небольшой белоснежный фонтан. Тёплый поток воздуха, влекомый вытяжным каналом от стен Башни к её центру, создавал подобие ветерка. Она уже час назад передала детей вечернему воспитателю, но всё никак не могла заставить себя идти в детский сад за собственным ребёнком. Она даже думала написать бывшему мужу, чтобы тот выручил и забрал сына на этот вечер к себе, но рука не поднималась достать лик, чтобы надиктовать пару строк. Елена чувствовала, что должна быть с ребёнком, иначе это станет каким-то изощрённым видом предательства в отношении его. Оставалось всего несколько минут до того, как она уже рисковала бы опоздать, но учительница средней школы № 512 КЖВ мегабашни № 9 «Муравейник» всё смотрела и смотрела на колыхавшуюся под струйками воды гладь запруды. Из головы Лены никак не выходил образ одинокого окна панельного дома П-44ТМ-3, в котором упорно и беспрестанно зажигалась и гасла зелёная лампа, тускло освещая женское лицо и глаза, неотрывно смотревшие в ночную темноту.

Елена вздохнула, взяла себя в руки и поспешила в сторону детского сада. Вскоре она уже приложила свой лик к точке доступа, чтобы открыть калитку. Круглосуточный детский сад, каких было немало на втором уровне Башни, в это время обычно погружался в полумрак, чтобы дети, которые оставались на ночь, постепенно готовились ко сну. Коридоры здания освещались ровно настолько, чтобы впотьмах не споткнуться обо что-то и не упасть. Дети играли в своих группах, потому незачем было тратить энергию на генерацию бесполезных фотонов. Лена продвигалась по зданию, зная путь наизусть: тамбур, две двери, между ними — очистка обуви от пыли и грязи, холл с правилами поведения и комнатой охраны, направо, через двери, третья дверь справа. А из головы не выходил образ зелёной лампы, которая мигала в окне, раздражая запоздалых прохожих и сбивая с траектории устаревшие версии дронов-доставщиков. Эта лампа мигала импровизированным маяком весь вечер. Чем она была на самом деле? Знаком протеста или соломинкой надежды? Елена Марковна сжала губы и в который раз попыталась заставить себя выбросить эту мысль из головы.

Она открыла дверь в группу, где было светло и тепло.

— Сёжа! Сёжа, Серёжа! — не всегда чётко выговаривая имя, наперебой стали звать дети, узнав маму своего друга по саду.

Мальчик был занят постройкой какой-то конструкции из кубиков. Увидев маму, он вскочил на ноги, ненароком разбросав кубики, и заторопился на выход.

— Ну-ка! — в меру строгая воспитательница остановила Серёжу. — За собой игрушки убираем.

Вместе с воспитательницей Серёжа нехотя сложил кубики в коробку. Мама терпеливо ждала в дверях, пытаясь погасить всё больше и больше разгоравшуюся в ней тоску. Аналогии сами по себе лезли в и без того растревоженную голову. Ребёнок поблагодарил воспитательницу, как было положено в саду, сказал «пока» ребятам, подхватил своего любимого плюшевого кота и побежал к маме. В вечернем окне пронёсся дрон-доставщик, подсвечивая себе путь зелёным фонарём.

Плотина разума рухнула, и поток эмоций обрушился на строгую и справедливую учительницу Елену Марковну. Молодая мама Лена села на колени, обняла ничего не понимавшего сына и заплакала.

— Мам, тебе больно? Где болит? — наивно спросил Серёжа, когда та отпустила его и попросила одеться для улицы.

— Да. Я поступила сегодня плохо, — поделилась она. — Мне от этого очень больно.

— Ну, ничего, — сказал парень по-деловому, подражая обычному тону матери. — Завтра обязательно всё исправишь.

Он отвлёкся от выворачивания непослушного рукава кофты, которую после прогулки, как всегда, просто кинул в шкафчик, не сложив аккуратно, подошёл к маме и погладил по голове. Она нежно улыбнулась ему в ответ.

— Да, конечно, — согласилась она.

Этот добрый детский жест придал Лене уверенности. Она утёрла слёзы и помогла сыну одеться, расспрашивая, что сегодня было в саду интересного.

— Знаешь, Серёжа, — сказала мама Лена, ведя сына за руку из здания детского сада, — нам, наверное, придётся уехать из Башни через несколько недель. Будем жить ближе к центру города.

— О! Это значит — будем чаще ходить в зоопарк? — радостно спросил сын.

— Да, будем, — пообещала мама.

* * *

Несколькими часами ранее Елена Марковна разговаривала с родителями пионера Александра Головина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.